

0288

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Элизабет Биварли

ПЛАМЯ НАШЕЙ ЛЮБВИ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Элизабет Биварли
Пламя нашей любви

«Центрполиграф»

2011

Биварли Э.

Пламя нашей любви / Э. Биварли — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Делла еще в детстве пообещала себе – свое тридцатилетие она отметит с размахом. В этот день она осуществит все, о чем только могла мечтать. И Делла сделала это... А еще получила совершенно неожиданный подарок.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Элизабет Биварли

Пламя нашей любви

Caught in the Billionaire's Embrace © 2011 by Elizabeth Bevarly

«Пламя нашей любви» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Глава 1

Только одно могло сделать тридцатилетие Деллы Ханны еще восхитительнее, чем она планировала. Но как раз это она и не планировала. Само по себе это говорило о многом, ибо все детали предстоящего праздника Делла тщательно обдумывала с самого детства.

Ее детство прошло в одном из таких районов, где празднования дней рождения считались непозволительной роскошью, а потому игнорировались. Там многое считалось непозволительной роскошью, а потому игнорировалось. Например... Например, Делла. Именно поэтому она и пообещала себе такой грандиозный день рождения – уже тогда, будучи маленькой девочкой, она знала, что рассчитывать в этой жизни может только на себя.

Конечно, последние одиннадцать месяцев кое-что изменили. С тех пор как в ее жизни появился Джеффри, ей приходится рассчитывать главным образом на него.

Однако сегодня вечером Джеффри здесь нет, и она не собирается думать ни о нем, ни о чем бы то ни было еще из того мира. Сегодня особенный вечер – только ее вечер. Сегодня у нее будет все, о чем мечтает ребенок, выросший в бедной семье в одном из самых скверных районов Нью-Йорка.

В детстве Делла поклялась себе, что к тридцати годам она покинет грязные улицы своего района, станет миллионершей и будет жить в лучшей части города в районе парка. Она торжественно пообещала себе, что у нее появится все, что есть у богатых и знаменитых. И Делла не собиралась нарушать данного обещания, пусть даже она сейчас в Чикаго, а не в Нью-Йорке.

Вечер начнется в лучшем ресторане, продолжится в ложе в опере и завершится в клубе, который могут посещать только сливки общества. Ее наряд стоит тысячи долларов, на ней рубины и бриллианты, прическа и маникюр сделаны в лучшем салоне города.

Первой частью своего вечера она осталась довольна. Ресторан «Паламбос» на Стейт-стрит был из тех, цены в которых могли сравниться с бюджетом некоторых государств. Она заказала четыре блюда – само собой разумеется, самых дорогих. Их немыслимые европейские названия Делла училась правильно произносить всю неделю. Слава богу, меню доступно онлайн, поэтому у нее было время подготовиться, чтобы не выглядеть невеждой. Заказывать самые дорогие блюда в день своего рождения – ведь именно так поступают привыкшие к роскоши и богатству люди, правильно?

Подумав так, Делла украдкой оглядела ресторан, чтобы убедиться, что посетители – все до единого богатые, элегантные и искушенные – тоже наслаждаются самыми дорогими блюдами. Ну и, чего уж там, чтобы еще раз убедиться, что Джеффри нет поблизости. Она сделала все возможное, чтобы его не было. Они условились, что она позвонит ему завтра.

Для всех в этом ресторане Делла была такой же избранной, как и они, ничем от них не отличалась. И, к счастью, Джеффри нигде не было видно. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Потягивая шампанское в ожидании закуски из кальмара, Делла действительно чувствовала себя частью этого общества. В течение нескольких лет она привыкала к такой жизни. Родившись в бедной семье, она изо всех сил стремилась принадлежать к блистательному миру – пусть к самому его краю. Она внимательно изучала, как ведут себя богатые, и тщательно копировала их до тех пор, пока не убедилась в том, что все воспринимают ее как свою.

Сегодняшний вечер не стал исключением. Она заплатила внушительные деньги, чтобы взять напрокат темно-красное бархатное платье от Каролины Эрреры и туфли от Дольче и Габбана. Кроме того, она позволила себе серьги и кольцо от Булгари и черную шелковую накидку от Валентино – вещь, абсолютно необходимую в декабре.

Она выбрала красный цвет, потому что знала, что он очень идет к ее серым глазам. Темно-русые волосы были достаточно длинными для того, чтобы сделать французский твист – закрепить их наверху одним маленьким гребешком.

Делла подняла руку, чтобы убедиться, что с прической все в порядке, и улыбнулась – ей нравилось, что волосы длинные. Всю свою жизнь она стриглась под мальчика и только в этом году начала отпускать волосы. Кроме того, еще в последних классах школы она выкрасила волосы в черный цвет, поэтому даже не знала, что ее натуральный оттенок с годами стал более насыщенным, почти медовым. И даже если не принимать во внимание дорогие шмотки, никто из грязного района ее детства не узнал бы ее сегодня вечером.

Но она не собирается думать об этом сейчас. Сегодняшний вечер будет безупречным – таким, как она планировала все эти годы.

За исключением, может быть, этого хорошо одетого красавца, которого хостесс посадила за столик напротив несколько секунд назад. И каждую из этих секунд Делла бросала на него взгляд – не могла удержаться.

Когда Делла была маленькой, она не мечтала о том, чтобы в этот вечер рядом с ней кто-нибудь был. Она сама не понимала почему. Может быть, потому, что, как уже было сказано, она знала, что рассчитывать в этой жизни может только на себя. Или потому, что в детстве она и представить себе не могла, что на свете существуют такие мужчины. Там, где она выросла, «хорошо одетый» означало, что пуговицы на месте, а «красавец» – что у парня все зубы целы.

Неожиданно мужчина поднял глаза. Их взгляды встретились – и что-то произошло между ними... Он кивнул Делле в знак приветствия, на лице его мелькнуло что-то похожее на улыбку. Секунду поколебавшись, она подняла бокал – будто молчаливый тост в его честь.

На нем был смокинг, сидевший так, что он казался прекрасной картиной на фоне янтарного шелка занавески. Волшебный свет свечи в хрустальном подсвечнике, стоявшей перед ним, делал его темные глаза еще теплее. А его полуулыбка действовала на Деллу так, что она чувствовала, как горячие искры пробежали по всему телу. Потому что это была такая улыбка, которая говорила женщине, что он не просто раздевает ее взглядом, но и предполагает нечто большее.

Делла почувствовала, что краснеет, и отвела взгляд. Она поднесла к губам бокал шампанского и изо всех сил постаралась сосредоточиться на чем-нибудь еще: на накрахмаленной скатерти, фарфоровой посуде, блестящих посетителях ресторана. Но все безуспешно – ее внимание неизбежно возвращалось к мужчине за столиком напротив. А он между тем продолжал пристально смотреть на нее.

– Ну и о чем вы думаете? – спросил он достаточно громко для того, чтобы она услышала.

Делла смутилась. В ее сознании промелькнуло множество возможных ответов на его вопрос. «Я думаю, что вы самый привлекательный мужчина, какого я когда-либо видела». Или: «Как вы встречаете Новый год?» Вот еще хороший: «Привет, любимый». Ну и конечно (это уж само собой разумеется): «Ты любовь всей моей жизни!»

– Что порекомендуете заказать? – добавил он, показывая на меню.

О нет, это был совсем не тот вопрос, которого она ожидала. Ей повезло, что она была слишком смущена, чтобы ответить на него.

– О... Не думаю, что могу помочь. Я здесь впервые. – Что-то подсказывало ей, что едва ли она произведет впечатление на такого мужчину, как ее собеседник, если порекомендует заказать что-нибудь самое дорогое, чтобы выглядеть шикарно, изысканно и богато. Ему ничего не нужно делать, чтобы так выглядеть, – достаточно просто дышать.

По-видимому, ее ответ удивил его.

– Впервые? Но «Паламбос» скоро отмечает столетие своего существования в Чикаго. Вы не из Чикаго?

А вот на этот вопрос Делла никак не могла ответить. Ей пришлось бы или соврать – чего она никогда не делала, хотя ее честность не раз навлекала на нее неприятности, достаточно вспомнить то, что теперь ей приходится полагаться на Джеффри. Или же ее ответ повлек бы за собой расспросы, в результате которых ей, скорее всего, пришлось бы рассказать о прошлом.

Или же, что еще хуже, о настоящем. Обе эти темы были совершенно невозможны для нее сегодня по причине того, что ни в ее прошлом, ни в ее настоящем не было ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к платью от Каролины Эрреры, бриллиантам и ложе в опере.

Поэтому она ответила на его первый вопрос:

– У меня свои предпочтения. Обожаю морепродукты.

Он немного помолчал. По-видимому, решал, стоит ли напомнить ей, что она не ответила на второй вопрос, и наконец сказал:

– Я запомню это.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент к нему подошел официант и поставил перед ним небольшой коктейль янтарного цвета, а рядом – розовый «Космополитен».

Делла поняла – он кого-то ждет. Судя по коктейлю – женщину. В рестораны уровня «Паламбос» пары ходят только тогда, когда у них серьезные отношения. Или тогда, когда один из них хочет, чтобы отношения стали серьезными.

Этот парень бросал на нее недвусмысленные взгляды, даже заигрывал с ней – и при этом ждал свою подругу. Да он просто засранец.

Что ж, может, ее тридцатилетие будет не таким безупречным, как она планировала, раз ей придется сидеть рядом с засранцем. А может, дело не только в нем. Может, дело даже не в том, что ее платье и украшения взяты напрокат, а не из собственной гардеробной. Может, дело даже не в том, что она не миллионерша.

Все дело в том, что она не может распоряжаться собой. Всем в ее жизни теперь распоряжается Джеффри: что ей делать, куда идти и что говорить. Ее жизнь никогда больше не будет нормальной. Или, по крайней мере, такой, какой она ее себе представляла, когда была ребенком. Это будет жизнь, в которой всем заправляет кто-то другой.

Как только эта мысль оформилась, Делла тут же постаралась запихнуть ее в самый дальний уголок своего сознания. Сегодня она не будет думать об этом. Сегодня она не просто Делла. Сегодня, пусть только на один вечер, она будет той, кем хотела быть двадцать лет и целую жизнь назад – принцессой Деллой, самой чудесной девушкой на свете. И ничто не испортит ей этот вечер, даже этот не совсем прекрасный принц, который все еще продолжал откровенно смотреть на нее в ожидании своей подруги.

Словно прочитав ее мысли, хостесс усадила за столик между ними шумную компанию из четырех человек, и не совсем прекрасный принц исчез из поля зрения Деллы. Это было хорошо. Однако что-то все же говорило в ней: «Ну и что, что он засранец, он все равно самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела».

Она снова увидела его часа полтора спустя – в «Лирик-опере», когда пыталась найти свое место. Когда Делла поняла, что зашла совсем в другой конец зрительного зала, то обратилась за помощью к служителю и через секунду обнаружила, что смотрит в сторону ложи, из которой открывался потрясающий вид на сцену и в которой сидел тот незнакомец, которого она встретила во время ужина. Он снова был как картина на золотом фоне – на этот раз это была позолота инкрустаций, украшавших стены. И снова, как и в ресторане, он был один.

Ну хорошо, когда она уходила из ресторана, то заметила, что его подруга так и не появилась. Не то чтобы Делла специально обратила внимание на это – вовсе нет. Так получилось. Делла не знала, задержалась ли его девушка где-то или совсем не пришла. Не то чтобы ее это волновало. Она просто случайно обратила внимание.

И сейчас, когда она направлялась к своему месту, снова случайно обратила внимание, что их места не только в одной ложе, но и в одном ряду: первый ряд был совсем маленький – всего три кресла. Еще она совсем случайно заметила, что он положил программку и розу на сиденье рядом с собой – как будто это место вскоре займут. Было ясно, что его девушка где-то задержалась и он ждет ее с минуты на минуту.

Они будут сидеть совсем рядом – бабочки запорхали в животе у Деллы от такой перспективы. Ей придется протискиваться на свое место мимо него – по-другому никак не получится. Она сделала глубокий вдох и на одном дыхании дошла до их ряда. Он поднял голову и, когда узнал ее, снова улыбнулся той улыбкой, от которой ей стало не по себе. В животе у нее стало горячо, сознание помутилось, и Делла так и не смогла произнести: «Извините, можно мне пройти».

Он встал, прошептал приветствие, но Делла едва его расслышала – она полностью сосредоточилась на том, чтобы не упасть в обморок. От него исходил восхитительный аромат сигары, и к тому же он оказался гораздо выше, чем она ожидала, – ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в его глаза. К такому Делла не привыкла: на каблуках высотой два дюйма ее собственный рост составлял шесть футов. Даже когда на ней не было каблучков, она могла смотреть в глаза практически любому, не запрокидывая головы. Однако самое большое впечатление производило его лицо. У него был твердо очерченный подбородок, прямой и тонкий нос, словно высеченные из мрамора скулы, а его глаза... Они были цвета горького шоколада – такие темные и такие волнующие, что Делла не могла отвести от них взгляда. Но что-то в этих глазах контрастировало с его ослепительной улыбкой. Была в них какая-то печаль, может, даже тоска.

– Надо заканчивать с такими встречами, – сказал незнакомец и широко улыбнулся.

Делла не смогла удержаться и улыбнулась в ответ:

– Немного странно, правда?

– Я бы употребил другое слово.

Она не была уверена, что хочет узнать, какое именно, но все же спросила:

– Какое?

– Удачно, – сразу же ответил он, – я думаю, это удачно.

Делла не знала, что ответить на это. Еще раз внимательно изучив пустующее кресло между ними, где лежала роза, она наконец сказала:

– Вы не возражаете, если я пройду на свое место?

Минуту он продолжал смотреть на нее. По его глазам совсем невозможно было понять, о чем он думает. Затем мужчина сделал шаг в сторону, чтобы дать ей пройти, и ответил:

– Конечно нет.

Делла поспешила занять свое место. Как только она села, то сразу же открыла программку и уставилась в нее, не оставив ему никакого шанса начать разговор.

Однако он не собирался сдаваться:

– Как прошел ваш ужин?

– Прекрасно, – ответила Делла, не отрывая глаз от программки.

Ее односложный ответ несколько не смутил его, и он продолжил:

– А я заказал фазана. Он оказался чудесным.

Делла только кивнула в ответ. Незнакомец не отступал:

– Когда в следующий раз будете в «Паламбос», попробуйте его. Очень рекомендую.

Он явно продолжал свои попытки узнать, живет ли она здесь и есть ли у них шанс встретиться еще раз. И все это несмотря на розу и загадочную женщину, которая должна была занять место между ними.

– Я запомню это, – ответила Делла и вернулась к чтению программки.

– Знаете, нечасто встречаешь людей моего поколения, которые любят оперу, – попробовал он зайти с другой стороны. – И уж совсем мало кто готов потратиться на ложу. Вы, наверно, очень любите оперу.

Это был удар ниже пояса. Делла не могла не поддержать разговор о том, что любила больше всего на свете.

– Я обожаю оперу, – вырвалось у нее, и открытая программка упала на колени.

Она повернулась и посмотрела на него. Выражение его лица ясно говорило о том, что он тоже счастлив быть здесь сейчас и что он любит оперу так же страстно, как и она. Так страстно, что в его глазах не осталось и следа печали. Делла заметила, что они не совсем карие – золотые крапинки добавляли им что-то такое, что они становились еще притягательнее.

– Наша соседка очень ее любила, – сказала Делла. – Благодаря ей я познакомилась с классикой. – Она умолчала о том, что это произошло только потому, что сквозь тоненькие стены их квартирки было слышно радио миссис Клостерман, и Делла внимательно слушала сначала оперу, а после того, как она заканчивалась, то, что о ней говорили ведущие. – Когда я впервые увидела живое исполнение, – продолжила девушка, утаив, что живое исполнение было трансляцией по каналу Пи-би-эс, а не в театре, – то была потрясена.

На самом деле Делла мечтала изучать музыку в колледже и сделать ее своей профессией. Но колледж для человека из ее среды был чем-то немыслимым, поэтому, окончив школу, она сразу же начала работать кем-то вроде курьера в одной из самых уважаемых брокерских контор на Уолл-стрит. И хотя ей даже удалось дорасти до помощника одного из директоров, времени на колледж так и не нашлось. Зарплаты ей более чем хватало – особенно учитывая условия, в которых она выросла, – и она была довольна тем, как складывалась ее жизнь. По крайней мере, до того момента, как все полетело к черту и она осталась только с Джеффри, который предоставил ей сомнительный приют – и не безвозмездно.

В этот момент заиграла музыка, и свет начал гаснуть. Делла не удержалась и бросила взгляд на своего собеседника, перед тем как они погрузились в темноту. Но как только она заметила, что он пристально смотрит на нее, – а место между ними все еще пустовало, – быстро повернула голову и посмотрела на сцену.

И сразу же попала в мир Мими, Рудольфо и их богемных друзей, полностью забыв обо всем, что окружало ее в реальной жизни. Погружение было таким глубоким, что, когда настало время антракта и свет снова зажегся, ей потребовалось время, чтобы вернуться из Парижа девятнадцатого века в Чикаго двадцать первого. Она глубоко вдохнула и сразу же взглянула в сторону своего соседа. Он смотрел на нее ровно так же, как тогда, когда свет начал гаснуть, словно все первое отделение не отрывал от нее взгляда, вместо того чтобы смотреть на сцену.

Делле снова стало не по себе, и она начала разглядывать публику в зрительном зале. Женщины в роскошных платьях и драгоценностях сами казались драгоценными камнями в оправе зрительного зала «Лирик-оперы». Делла наблюдала, как дамы покидали свои места под руку со спутниками, мужчины склоняли к ним головы, и они смеялись и переговаривались.

На мгновение ее пронзило острое сожаление, что эта ночь не может длиться вечно. Как было бы замечательно проводить вечер так, как сегодня, делать что хочется, не считаясь с тратами, не боясь, что тебя могут увидеть! Делла уже не помнила, когда вообще выходила куда-нибудь вечером. Джеффри держал ее в заточении. Она проводила все свое время, читая книги, смотря фильмы или разглядывая стены – которые, как ни крути, были ее тюрьмой. Пусть там не было решеток и было все необходимое для жизни, Делла все равно чувствовала себя заключенной. Боже мой, да она и была заключенной! И она будет ею до тех пор, пока Джеффри не скажет, что она может идти куда захочет.

Однако и в этом случае ничего хорошего ее не ждет, потому что она понятия не имеет, куда пойдет и что будет делать, когда Джеффри решит, что она больше не нужна. Ей придется все начинать сначала, не имея практически ничего, ровно как тогда, когда она покинула район своего детства.

Эти мысли еще больше убедили Деллу, что ей просто необходимо полностью отдаться наслаждению сегодняшним вечером. Кто знает, что ждет ее впереди – хотя бы через несколько часов.

– И о чем вы думаете теперь?

Она повернулась на звук бархатного баритона, и ее пульс участился, когда она увидела, как он смотрит на нее. По правде говоря, ей бы надо расслабиться. Во-первых, парень первоклассный засранец, потому как флиртует, пока его подруги нет рядом. Ну и во-вторых, слишком многое их разделяет.

– Должна признаться, что не очень люблю «Богему», – заговорила Делла. – По-моему, Пуччини был слишком сдержан, когда писал ее, особенно если сравнивать с «Манон Леско». Но мне все равно очень понравилось. А что вы думаете?

– Я видел ее столько раз, что уже, наверное, не могу быть объективным. Но то, что вы сказали, очень интересно. Мне тоже всегда так казалось. Мне больше нравится версия Леонкавалло.

– Мне тоже. – Делла улыбнулась.

– С нами мало кто согласится. – Он тоже улыбнулся.

– Я знаю.

– На самом деле, – продолжал он, – «Богема» Леонкавалло нравится мне даже больше, чем «Паяцы». За подобное высказывание из некоторых театров могут просто вышвырнуть.

Делла засмеялась:

– Я тоже люблю ее больше, чем «Паяцев». Похоже, нас вышвырнут вместе.

Он тоже засмеялся. Они замолчали одновременно, не зная, что сказать еще. Неловкая пауза длилась несколько секунд, пока Делла не рискнула спросить:

– Если вы уже видели «Богему» много раз и она вам нравится гораздо меньше, чем другие оперы, почему вы сегодня здесь?

Он пожал плечами, но на лице появилось какое-то напряжение, и он сказал довольно холодно:

– У меня абонементы.

«Абонементы», – повторила про себя Делла. Он сказал «абонементы», а не «абонемент». Множественное число означало, что пустое кресло действительно предназначалось для кого-то, кто должен был присоединиться к нему сегодня вечером. Этот кто-то, скорее всего, проводит с ним и все другие вечера сезона. Возможно, это его жена.

Делла быстро посмотрела на его руку, однако кольца на пальце не было. Впрочем, теперь многие женатые люди не носят кольца.

Делле хотелось узнать, кто всегда сопровождает его в театр и почему ее нет сегодня. Она подождала, не скажет ли он что-нибудь о загадке пустующего кресла, что-нибудь, что прояснит внезапное охлаждение между ними. Потому что чувствовала, что его неожиданное напряжение как-то связано с этим вакантным местом.

Казалось, он на секунду испугался, но затем продолжил:

– Тот же вопрос можно задать и вам. Вы не бываете здесь. По крайней мере, не на премьерах и не в этой ложе. – Его голос снова потеплел. – Иначе я бы заметил вас.

– Я здесь впервые, – призналась Делла.

Он посмотрел на нее еще более внимательно:

– Впервые в «Паламбос». Впервые в опере. Вы недавно приехали в Чикаго, ведь так?

Ей не пришлось отвечать на этот вопрос, потому что, кажется, сами богини оперы – вагнерии, так бы она назвала их – пришли ей на помощь. Ее собеседника окликнули снизу – это была пара, которая узнала его и поспешила обменяться приветствиями. Они обращались к нему «Маркус». Что ж, по крайней мере, Делла теперь знает его имя.

Однако приветствий оказалось недостаточно, и пара вовлекла его в разговор, продолжавшийся до тех пор, пока свет снова не начал гаснуть. В этот момент пара исчезла, и он – Маркус – снова повернулся к Делле.

– Вам хорошо видно? – спросил он, поглаживая пустое кресло рядом с собой, на котором все еще лежали роза и программка. – Отсюда видно гораздо лучше. *Addio Dolce Svegliare Alla Mattina* нужно видеть в самом лучшем ракурсе.

Итальянский прозвучал в его устах так, как будто он свободно владел им. Делле вдруг стало так тепло и уютно, так захотелось принять его предложение, хотя им обоим было совершенно ясно, что вид с соседнего кресла абсолютно ничем не лучше, чем с ее собственного.

Кому бы ни принадлежало это кресло, она не придет. И, судя по всему, Маркус совсем не был расстроен этим обстоятельством. Что ж, может, его отношения с неизвестной вовсе и не романтические. Несмотря на эту красную розу.

Или, может, он из тех, кто не пропускает ни одной юбки, и ей стоит ограничить общение с ним небольшой беседой об опере. А может, он просто еще один чудесный штрих в той картине, которая останется в ее памяти о сегодняшнем вечере.

– Спасибо, но здесь прекрасно, – сказала Делла. И это была правда. Сейчас прекрасно. Сегодня вечером. Но это, к сожалению, не навсегда.

Глава 2

Маркус Фоллон сидел на своем обычном месте за своим обычным столиком в своем клубе – все как всегда, только мысли его были совсем не обыкновенными. Или, по крайней мере, о совсем не обыкновенной женщине. Он никогда не встречал таких, как она. И не только потому, что она разделяла его страсть к опере и не совсем обыкновенные суждения о ней.

К несчастью, как только опустился занавес, она проскользнула мимо него, прошептав: «Всего хорошего» – и буквально побежала по проходу. Он потерял ее из виду еще до того, как смог что-то сказать. Спускаясь по лестнице, он поймал себя на том, что ищет хрустальную туфельку, но девушка не оставила ему даже этого. Она исчезла без следа. Как будто ее вообще не было. И он понятия не имел, как ее найти.

Маркус поднял бокал со скотчем и сделал глоток. Он разглядывал посетителей своего клуба и понимал, что снова ищет ее взглядом. Как бы это ни было странно. Однако в этом роскошном интерьере он видел все те же хорошо знакомые ему лица. Вот Берни Стигман на своем обычном месте – в темно-красном кожаном кресле у камина – разговаривает с Лукасом Уидмором, сидящим точно в таком же кресле по другую сторону камина. Долорес и Марион Хэджманн ужинают с Эдит и Лоуренсом Бик за своим обычным столиком в углу. Синтия Харрисон, как обычно, заигрывает с барменом Стью, который, как всегда, работает по субботам и, как обычно, твердо уклоняется от ее заигрываний. Впрочем, он потеряет работу, если будет флиртовать с клиентами.

Мысли о флирте вернули Маркуса к загадочной женщине в красном. Впрочем, это было совсем не странно. Мысли о флирте посетили его сразу же, как только он увидел ее сидящей напротив в «Паламбос», – настолько привлекательной она была. По-настоящему страным было то, что, как только он начал разговаривать с ней в театре, эти мысли ушли куда-то на второй план. И на самом деле ему хотелось еще поговорить с ней об опере. И совсем не потому, что их мнения так неожиданно совпали, а потому, что, когда она говорила об опере, она вся светилась. Когда он увидел ее в ресторане одну, она была красивой, но когда они говорили в опере – она была сияющей.

«Сияющая», – повторил он про себя и нахмурился. Он никогда раньше не употреблял это слово, описывая женщину. С другой стороны, возможно, это потому, что его отношения с ними никогда не переходили ту стадию, когда он мог бы отметить что-нибудь, кроме красоты. Это означало, что в отношениях с женщинами он вообще редко доходил до той стадии, чтобы разговаривать с ними. Стоило Маркусу переспать с кем-то – что, как правило, случалось довольно быстро после встречи, – как он сразу же терял к ней интерес. Может, потому, что редко встретишь женщину, которую интересно узнать, так сказать, не в библейском смысле.

В этот момент непрощенный голос отчитал его за нелцеприятный комментарий. Однако это был не его голос. Это был голос Шарлотт, хриплый от слишком большого количества сигарет, выкуренных ею за восемьдесят два года жизни.

За последние двадцать лет, прошедших со времени их знакомства, он не раз позволял себе нелцеприятные высказывания о представительницах противоположного пола с одной лишь целью – чтобы Шарлотт поправила его и наставила на путь истинный.

Господи, как же ему не хватает ее.

Он посмотрел на розовый «Космополитен» – бокал запотел: он стоял здесь слишком долго. Роза начала увядать – лепестки потемнели по краям. Даже оперная программка выглядела потрепанной. Жизнь этих предметов подходит к концу. Они выглядят так же, как выглядела Шарлотт, когда в последний раз сидела за этим столиком.

Она умерла через два дня после того, как закончился сезон в опере. Прошло уже семь месяцев после ее похорон, но горе Маркуса не утихло. В который уже раз он задавал себе

вопрос, что происходит после того, как душа покидает этот мир? Дают ли там, где сейчас Шарлотт, оперы Верди и Визе? А как насчет стейка с кровью, который она заказывала в «Паламбос»? А «Космо»?

Маркус надеялся, что там, где Шарлотт сейчас, у нее все это есть. Где бы она ни была, она заслуживает всего самого лучшего. Потому что она всегда давала ему только самое лучшее.

Краем глаза он заметил кого-то в красном, пристально взгляделся, но это была Эмма Стигман, направлявшаяся к своему отцу. Маркус еще раз внимательно осмотрел комнату. Он всех здесь знает, так почему сидит один? Бармен Стью отнюдь не единственный, с кем пыталась заигрывать Синтия Харрисон. Маркусу достаточно подсесть к ней, и он не успеет оглянуться, как окажется в отеле «Амбассадор», который расположен по соседству. И он точно не потеряет работу из-за этого. Единственное, что он потеряет, – это ту пустоту внутри, которая не оставляет его с тех пор, как умерла Шарлотт. Конечно, завтра утром, когда он опять останется один, пустота вернется...

Он поднял стакан и допил свой виски, затем взял «Космополитен» Шарлотт и залпом выпил его. Он зажмурился, ожидая, когда вкус коктейля исчезнет, – как только она могла это пить! – затем снова открыл глаза...

На другом конце зала за столиком он увидел видение в красном – и не мог поверить своим глазам. Случайно встретить ее в третий раз... Это судьба.

Маркус забыл, что не верит в подобные вещи, и, боясь снова упустить ее, немедленно встал и направился к ее столику. Он успел сделать знак Стью и, не ожидая приглашения, уселся рядом с девушкой.

Она подняла глаза. На лице появилось удивление, затем она улыбнулась, явно желая приободрить его. Это тоже было ново для Маркуса. Он никогда не нуждался в ободрении. Наоборот, все в жизни он принимал как само собой разумеющееся. Такое случается, когда ты принадлежишь к одной из самых старых и блестящих фамилий. Ты всегда получаешь все, что захочешь. Часто тебе не надо даже просить об этом. Тебе подают это на блюдечке с золотой каемочкой.

– Надо заканчивать так встречаться. – На этот раз эти слова произнесла Делла.

– Совсем напротив. Мне начинает нравиться.

Услышав это, девушка покраснела, и Маркусу это было приятно. Как-то он не помнил, когда женщина в последний раз краснела. По крайней мере, застенчиво и так, чтобы это ей шло. Как правило, женщины краснели, когда он предлагал сделать в постели нечто такое, что в обществе считалось неприличным.

Впрочем, он опережает события. Прежде чем он окажется в постели с этой женщиной, пройдет много-много... часов.

– Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

– По-моему, вы уже присоединились.

– Действительно... – Он изобразил удивление. – Тогда вы должны позволить мне угостить вас.

Она собралась что-то ответить, и на секунду он испугался, что она отклонит его предложение. Еще одно новое ощущение для него. Он никогда не испытывал подобного страха, и не только потому, что женщины очень редко отказывали ему, но и потому, что, если вдруг какая-то отказывала, он сразу же забывал о ней и находил другую. Но сейчас... Он не мог представить себе другую.

– Хорошо, – наконец сказала она, когда Стью подошел к их столику. – Бокал шампанского, пожалуйста.

– Принесите бутылку «Перрье жуэ кювэ белль эпок» две тысячи второго года.

– Пожалуйста, не нужно, это лишнее... – Она неожиданно замолчала.

Маркус решил, что это потому, что она не знает, как обратиться к нему. И так как он хотел сказать ей свое имя, чтобы ей пришлось назвать свое, то закончил фразу за нее:

– Маркус. Маркус...

– Пожалуйста, не говорите мне свою фамилию, – попросила девушка.

Он замер на полуслове – главным образом потому, что ее просьба показалась ему забавной.

– Почему?

– Просто не говорите, и все.

Никто никогда бы не сказал, что Маркус Фоллон делает то, что ему скажут. Но на этот раз он решил подчиниться.

– Хорошо. – Он протянул ей свою руку. – А ваше имя?

Она секунду колебалась, затем слегка коснулась его руки. Ее пальцы были тонкими и хрупкими, кожа цвета слоновой кости – нежной и теплой. Румянец на ее щеках стал еще более густым, когда он сжал ее руку в своей, но она не отдернула ее.

– Делла, – наконец ответила девушка. – Меня зовут Делла.

И снова без фамилии. Ну что же, он не станет настаивать. Но к тому моменту, когда эта ночь закончится, он будет знать о ней все. Например, где ее эрогенные зоны и какие звуки она издает, когда он будет находить их.

Он все еще держал ее руку. У нее прекрасные глаза. Светло-серые. Такие, в каких мужчина может утонуть навсегда. Такие, которые ничего не прячут и обо всем рассказывают. Честные. Глаза человека, который всегда делает только то, что правильно.

В это время раздалось покашливание Стью, и Делла попыталась высвободить руку. Маркус с неохотой разжал пальцы.

– Что-нибудь еще, мистер... – Стью остановился – по-видимому, он слышал их разговор, поэтому быстро поправился: – Что-нибудь еще, сэр?

Маркус сделал неопределенный жест рукой и попросил принести закуску, не назвав ничего конкретно. Его интересовала только сидящая напротив женщина.

– Ну что ж, – продолжил он разговор, – раз вы сидите здесь, в клубе «Виндзор», вы точно не новичок в Чикаго. У них лист ожидания. И, насколько я знаю, это ожидание длится не менее двух лет. Или вы гость члена клуба?

– Нет, я одна, – ответила девушка и, немного поколебавшись, добавила: – Сегодня вечером.

«По-видимому, это должно означать, что во все остальные вечера она не одна», – подумал Маркус. Впервые за вечер ему пришло в голову посмотреть на ее левую руку – обручальное кольцо никогда не останавливало его. Но кольцо было на правой руке. Стало быть, она даже не обручена, по крайней мере с тем, кто в состоянии купить кольцо.

– О, а может... – продолжил Маркус задумчиво, – вы среди тех, кто приобретает членство с рождения, как я. – Он улыбнулся. – Как бы они ни пытались вышвырнуть меня отсюда, они не могут.

– И почему же они хотят вышвырнуть вас, такого вежливого и респектабельного?

При этих словах его брови взлетели вверх.

– Вы все-таки новенькая в Чикаго, раз никто не успел предупредить вас обо мне. Обычно это первое, что сообщают молодым красавицам. Нет, серьезно, девяносто процентов здешних путеводителей прямо так и говорят: «Добро пожаловать в Чикаго! В нашем городе вам просто необходимо посетить Военно-морской пирс, небоскреб Джона Хэнкока, Музей естественной истории имени Филда и Аквариум Шедда. Но куда бы вы ни пошли, держитесь подальше от Маркуса... – Он на секунду замолчал. – Держитесь подальше от Маркуса Неизвестного – от этого парня одни неприятности».

Она рассмеялась. У нее потрясающий смех. Искренний, ничего не скрывающий.

– А что говорят остальные десять процентов путеводителей?

– О, остальные адресованы тем, кто рассчитывает хорошо провести время, пока находится, так сказать, вдали от своих цепей. Их интересуют все не слишком приличные места нашего города. – Он снова улыбнулся. – Мне и в них отведено довольно много места. Не то чтобы там упоминалось мое имя... – Он пожал плечами. – Но эти чертовы фотографии...

Она снова засмеялась. Ее смех согревал его и пробуждал какие-то совсем неизвестные ему чувства.

Стью принес шампанское, фрукты и сыр. Он как-то слишком долго возился с бутылкой – возможно, потому, что тоже считал Деллу необычным посетителем. И действительно, в ней не было ничего обычного.

Пока Стью наливал им шампанское, Маркус сказал Делле:

– У меня скверная репутация в городе. Спросите любого.

Она повернулась к бармену, который погружал шампанское в ведро со льдом, и спросила:

– У него действительно скверная репутация?

Бармен посмотрел на Маркуса, который одобрителем кивнул, затем на Деллу и сказал:

– Да, мэм. И не только в Чикаго. Он всегда на страницах светской хроники, по всей стране, куда бы ни поехал. И еще эти веб-сайты, рассказывающие о знаменитостях. Если вас увидят рядом с ним, можете не сомневаться, вы тоже там окажетесь. У него скверная репутация.

Делла повернулась к Маркусу. Она больше не смеялась. Теперь в ее глазах было что-то похожее на... страх?

– Это правда? – спросила она.

Он все еще раздумывал над ее реакцией. Ему не хотелось обманывать ее, тем более что узнать правду не составит труда – достаточно залезть в Интернет. Поэтому он просто сказал:

– Боюсь, что да. – Он подумал, что она просто изображает страх, и решил подыграть ей. – Не бойтесь, в этот клуб никогда не проберутся папарацци. Вы в абсолютной безопасности здесь. Никто не увидит вас со мной.

В этот момент Маркусу пришло в голову, что как раз этого она и боится – что ее увидят с ним. И, может, не только папарацци. Кто-то, кому не понравится видеть ее рядом с Маркусом... или с кем угодно еще.

Он еще раз внимательно посмотрел на нее. Ухоженная, изнеженная, имеющая все – по крайней мере, так она выглядит. Женщины такого типа прокладывают себе дорогу в жизни, становясь любовницами мужчин, которые могут позволить себе иметь таких женщин. Ну конечно. Красивая, элегантная, сдержанная. Они всегда такие. По крайней мере, они так выглядят.

Выражение ее лица изменилось, и она наконец попыталась засмеяться, хотя в этом смехе уже не было ни капли веселья.

– Конечно, – сказала она, – я знаю. Я просто пошутила.

Он кивнул, но у него все же остались кое-какие сомнения. Может, у нее действительно кто-то есть. Может, у них очень близкие отношения. Может, этот кто-то совсем не обрадуется, что она здесь сегодня одна. Может, этому кому-то еще меньше понравится, что она здесь с мужчиной. Похоже, она действительно боится, что ее фотографии с Маркусом появятся где-нибудь, потому что этот кто-то устроит ей большие-большие неприятности.

Но кто она, эта загадочная женщина в красном? И почему ему так хочется узнать это? Чтобы как-то развеять напряжение, возникшее между ними, Маркус поднял бокал шампанского и сказал тихо:

– За вас.

Немного поколебавшись, она подняла свой бокал. И хотя тост не развеял неловкость, он все же вернул румянец ее щекам. Маркус решил, что этого достаточно. Для начала.

Делла потягивала шампанское, смотрела на мужчину, который сидел напротив нее, и думала о том, как так вышло, что все пошло не по плану. Она собиралась закончить этот чудесный вечер бокалом шампанского в знаменитом клубе «Виндзор» – в который попала только потому, что дала кое-какую сумму швейцару, – а в следующую минуту уже смотрела в эти карие с золотыми крапинками глаза, которые так взволновали ее в опере.

Маркус. Это имя идет ему. Как странно, куда бы она ни пошла сегодня вечером – он непременно был там. Впрочем, что же тут странного? Она же специально выбирала такие места, которые посещают только богатые и влиятельные люди, а он как раз из таких. И вот теперь выяснилось, что он еще и знаменитый. А это как раз то качество, которого ей бы следовало сторониться.

И все же чего она так испугалась? Он прав. В клубе только те, кто принадлежит к обществу. Не считая ее саму, разумеется. Никто, кажется, не обращает на них никакого внимания. К тому же уже поздно, девяносто процентов жителей города давно дома. И еще сегодня будет снег. Хотя для Чикаго это, конечно, не проблема. Но все равно большинство горожан, конечно, засели по домам, предварительно закупив провизию, и собираются провести воскресенье ничего не делая, в своих засыпанных снегом берлогах.

Делле тоже хотелось чего-нибудь в этом роде, но на самом деле она понимала, что примерно так и провела последние одиннадцать месяцев своей жизни – ничего не делая, в засыпанной снегом берлоге. Конечно, кроме тех случаев, когда она должна была делать то, что считал нужным Джеффри.

Однако сегодня не тот случай. Сегодня ее вечер. Ей было нужно подумать о том, чтобы завершить его в компании такого мужчины, как Маркус.

– Итак... – начала Делла, пытаясь вернуть разговору ту игривость, с которой он начался, – что же вы такого натворили, что заработали такую репутацию?

Он сделал еще один глоток шампанского, затем поставил бокал на стол, но вместо того чтобы оставить его, провел пальцами сначала по ножке бокала, потом по чаше. Движения его пальцев завораживали Деллу, особенно когда он начал медленно водить подушечкой среднего пальца по краю бокала. Медленно... медленно... О, как медленно... пока в животе у нее не стало горячо.

Она думала о том, что было бы интересно узнать, каково это, когда он вот так медленно проводит своими пальцами где-нибудь еще, ну... она не знала где. Например, по ее плечам, бедрам... Почувствовать его пальцы где-нибудь еще – в таких местах, прикосновение к которым сведет ее с ума.

При этой мысли она закрыла глаза, как будто в этом случае видения должны раствориться. Однако волнующие образы стали еще ярче, еще эротичнее, еще более живыми... О... Делла быстро открыла глаза – эти мысли должны исчезнуть. Но теперь она видела перед собой Маркуса, который загадочно улыбался, как будто точно знал, о чем она сейчас думает.

Теперь он водил по краю бокала двумя пальцами – средним и указательным. Делла беспомощно наблюдала, как он то раздвигал пальцы, то снова сводил их вместе. Он опустил их в бокал так, что они коснулись шампанского, а затем слегка дотронулся ими до губ Деллы.

Ей стало жарко, пульс участился. Не понимая, что делает, она приоткрыла рот и ощутила вкус шампанского. Она быстро откинулась назад и облизала губы, чтобы этот вкус исчез. Это невозможно! Что на нее нашло? Как можно так быстро почувствовать влечение к мужчине? Она почти ничего о нем не знает, только имя и то, что он любит оперу, хорошее шампанское. И еще то, что он купил для кого-то красную розу...

Да, роза. Как она могла забыть о ней? Возможно, он женат или, по крайней мере, состоит в близких отношениях с кем-то. Только любовного треугольника ей сейчас и не хватает!

И где сейчас эта роза? Он ее что, выбросил? Или сохранил вместе с программкой на память? Она окинула взглядом клуб. Роза и программка лежали на одном из свободных столиков. Рядом стоял пустой бокал. Интересно, они все же встретились? Может, несколько минут назад он вот так сидел с кем-то еще и проводил пальцами по бокалу, затем... Неужели он такой негодяй?

– Кого вы ждали сегодня вечером? – Вопрос вырвался у нее совершенно неожиданно.

По-видимому, Маркус тоже не ожидал ничего подобного, потому что его брови снова взлетели вверх.

– Никого, – ответил он. И вдруг продолжил: – Даже вас не ждал. Я никогда не ждал никого вроде вас.

– Но роза... И «Космополитен».

Он повернулся, чтобы посмотреть в ту сторону, куда смотрела она, и увидел пустой столик, за которым сидел. Он слегка ссутулился и наклонился вперед, словно хотел забыть о чем-то. Когда он снова посмотрел на нее, тень той печали, которую Делла заметила прежде, снова была в его глазах.

– Да, я купил розу и заказал коктейль для одного человека. Это был особенный человек.

– Был? – повторила Делла. – Так вы...

– Что?

– Вы не вместе?

– Нет. – По его лицу нельзя было сказать ничего о том, что он думает или чувствует.

Делле хотелось узнать что-нибудь еще об этой женщине, но по тому, как он вел себя, она поняла – не стоит этого делать. В конце концов, это не ее дело. Достаточно уже и того, что она вызвала у него неприятные воспоминания. Кем бы ни была эта женщина, она уже не часть его жизни – это ясно. Как ясно и то, что ему очень плохо от этого.

Эта мысль как-то слишком глубоко задела Деллу. Почему? Она больше никогда не увидит Маркуса. Поэтому, если он любит кого-то, это не может иметь для нее никакого значения. И чем меньше она будет знать о нем, тем лучше. Проще будет его забыть.

Даже если он из тех мужчин, которых женщины никогда не забывают.

Хотя Делла твердо решила сменить тему разговора, Маркус вдруг неожиданно сказал:

– Я знал, что она не придет сегодня. Но я все равно купил розу и заказал коктейль для нее. Я не мог по-другому... Она всегда опаздывала, – вдруг добавил он как-то особенно нежно. – Если бы я не сделал этого, это было бы чем-то вроде предательства, по-моему... – Он неожиданно замолчал и посмотрел на Деллу. Он больше не казался мрачным. – Вообще-то это какая-то невероятная сентиментальность с моей стороны. Так что я один. – Он сделал значительную паузу и спросил: – А вы?

Это был самый тяжелый вопрос для нее. Конечно, она одна – в том смысле, который Маркус имел в виду. В этом смысле она была одна уже почти год. А тот, с кем она была до этого, Иган Коллинвуд... Лучше бы его вообще не было. И не только потому, каким он оказался.

Но на самом деле Делла не одна. Правда, совсем в другом смысле. Она с Джеффри. По крайней мере, сейчас. А пока она с Джеффри, она не может быть ни с кем.

Ничего этого она не могла рассказать Маркусу, поэтому поднесла к губам бокал шампанского и сделала глоток. Он продолжал вопросительно смотреть на нее – и она сделала еще один глоток. Еще один. И еще один. Пока – кто бы мог подумать? – бокал не опустел. Однако когда она поставила бокал на стол, Маркус тут же наполнил его до краев. Когда он поставил бутылку, она улыбнулась и сказала:

– Маркус, вы пытаетесь напоить меня?

– Да, – не раздумывая, ответил он.

Его откровенность обезоружила ее – и она рассмеялась. По правде говоря, она уже и не помнила, когда в последний раз столько смеялась. Она никогда не была особенно веселой

девушкой. Даже до встречи с Иганом. Кажется, она даже никогда не употребляла слово «веселый».

– У вас ничего не выйдет, – сказал Делла, поднося бокал к губам. – У меня отличный обмен веществ.

– А я и это учел. – Он коварно улыбнулся.

О бедняга! Он не знает, как ему сегодня не повезло. Мистер Маркус Плохая Репутация, по-видимому, уверен, что случайная встреча за ужином очень скоро перейдет в пламенный сексуальный марафон. Но ничего не выйдет. Завтра ровно в полдень она должна вернуть взятые напрокат наряды, иначе лишится своего задатка. Даже перспектива пламенного сексуального марафона с таким неотразимым красавцем не заставит ее забыть об этом.

Она посмотрела на Маркуса. Его глаза блестели – от него нельзя было отвести взгляда. Может быть, сексуальный марафон все же не помешает ей вовремя вернуть вещи?.. Да, тяжелый выбор.

Она не может провести ночь где захочет. При нынешнем положении дел, если только Джеффри позвонит и она не ответит, он придет в ярость. Ей и так до сих пор невероятно везло. Если только Джеффри узнает о ее вылазках, он вообще больше не спустит с нее глаз.

Все еще глядя на Маркуса, но пытаясь прогнать те фантазии, которые он в ней пробуждал, Делла откинулась на спинку стула и сказала:

– Так, значит, сначала вы стараетесь напоить женщину, чтобы потом воспользоваться ее беспомощностью. Теперь понятно, почему у вас скверная репутация.

– Ничего подобного. В этом нет никакой необходимости. Мне никогда не приходилось пользоваться беспомощностью женщин, – сказал он без капли самодовольства.

Кто бы сомневался. Она только встретила его, а у нее уже такие мысли о нем, такие фантазии... Слишком много мыслей. И уж совсем много фантазий.

– Тогда почему же все-таки плохая репутация?

Он наклонился вперед, расстояние между ними сократилось, и все усилия Деллы установить дистанцию пошли насмарку.

– Так с чего мне начать? – спросил он. – И главное – у вас есть время? Потребуется целая ночь.

О бедняга! Делла подняла бокал, чтобы сделать глоток шампанского, но вместо этого вдруг выпила залпом все, что оставалось в бокале. Здорово! Все слегка затуманилось перед ее глазами.

Как будто почувствовав ее настроение, Маркус дотронулся до ее руки. Делле показалось, что ее кровь превратилась в шампанское. Когда же он сжал ее руку в своей...

– Потому что если у нас впереди целая ночь, я могу не только рассказать, но и проиллюстрировать... – добавил он.

О нет! И еще один глоток – для ровного счета. Вот так-то лучше.

Так что она собиралась ему сказать? Что-то о том, что ей надо домой, потому что скоро полночь и она, кажется, пьяна... Она искала какой-то предлог, чтобы выпутаться из этой ситуации, но ничего не приходило в голову. А в голову ничего не приходило потому, что перед ее глазами мелькали картины, в которых она и Маркус... Он просто невероятно привлекательный. А у нее так давно не было никого, кто казался бы ей таким привлекательным. И неизвестно, когда она встретит кого-нибудь настолько привлекательного в следующий раз. Если вообще встретит. И что вообще с ней будет, когда Джеффри решит, что она больше не нужна?

В ее жизни не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Только вот этот момент. Этот клуб. Этот мужчина. Такой желанный и с таким желанием смотрящий на нее. Мужчина, которому она ни в коем случае не должна уступать. Мужчина, мысли о котором будут преследовать ее до конца ее жизни.

Мужчина, от которого она не может уйти сейчас...

Глава 3

Делла отвела взгляд, пытаясь заставить себя думать о чем-нибудь другом – только не о Маркусе. За стеклом французских дверей неподалеку от их столика падали крупные белые хлопья, сверкавшие при свете фонарей, – снег, который сегодня обещали, все-таки пошел.

Она родилась в Нью-Йорке, поэтому привыкла к снегу. И все равно этот сегодняшний снегопад был особенным.

В детстве она с нетерпением ждала снега, потому что он преображал улицы ее детства. Пусть ненадолго, но мир разрушенных бетонных стен и разбитого асфальта исчезал, уступая место волшебному белому городу. Ржавая пожарная лестница за окном ее комнаты превращалась в хрустальную и вела в башню, где заточили маленькую принцессу. Разбитые машины казались отливающими жемчугом и серебром сказочными каретами. Даже мусорные баки за окном и те преображались. Снег разгонял с улиц бандитов и торговцев наркотиками. И, куда ни кинь взгляд, везде были только волшебные белые замки. Пусть и ненадолго.

Как хорошо, что сегодня тоже пошел снег – словно чтобы напомнить Делле о волшебных фантазиях ее детства. Как замечательно видеть сейчас эти сказочные огромные хлопья, которые словно говорили ей, что перед ней сидит прекрасный принц из детской сказки.

– Снег пошел, – тихо сказала Делла.

Маркус повернулся, чтобы посмотреть, затем снова взглянул на Деллу. Судя по всему, он не находил в этом ничего настолько занятного.

– Сообщали, что выпадет четыре-пять дюймов, – сказал он, слегка разочарованный переменой темы.

Он посмотрел на их руки – его рука все еще лежала поверх ее. Не слишком охотно, но он все же убрал свою. Это было то, чего она хотела, – чтобы изменились ее чувства, а не намерения. Тогда почему она сейчас почти расстроилась? Почему ей хотелось, чтобы он снова взял ее руку в свою, но только чтобы на этот раз их пальцы переплелись?

«Это к лучшему», – сказала она себе. Просто случайная встреча. Случайный разговор. И ей действительно нужно идти. Особенно сейчас, когда пошел снег. Она сказала водителю заказанной на сегодня машины, что пробудет в клубе только до полуночи. Полночь приближалась. Нужно заканчивать это все... что бы это ни было... с Маркусом. Почему она не делает этого?

– Снега выпадет столько, что скоро на дорогах будет месиво, – сказал он с отвращением, давая ей отличный повод попрощаться. Затем добавил: – Хорошо хоть завтра выходной.

Делла вспомнила, что завтра воскресенье, поэтому ей не придется очень рано вставать. Можно позволить себе остаться здесь еще на минутку.

– Но к полудню... – продолжил он, – город все равно будет по колено в грязи. Снег – это такая...

– Я люблю снег. Он делает все красивым.

Маркус улыбнулся снисходительно и ответил:

– Вы говорите как человек, которому никогда не приходилось ехать куда-нибудь в снегопад. – Внезапно он просветлел. – Все ясно. Вы не только недавно в Чикаго, вы к тому же приехали оттуда, где жарко и солнечно.

Делла не стала ничего отвечать. Ведь молчать не значит лгать.

– Я прав, так? – Он довольно улыбался. – Вы приехали оттуда, где жарко круглый год?

Если бы он только знал. В Нью-Йорке ей действительно было «жарко», когда она уезжала. Только не в том смысле, который он вкладывал в это слово. Делла улыбнулась и сказала:

– Так и есть.

Все-таки ей было не по себе. Словно она притворялась кем-то другим, специально соблазняя его. С другой стороны, почему она должна беспокоиться? Они не давали друг другу ника-

ких обещаний. Наоборот, они оба тщательно избегали каких-либо обещаний. И по правде говоря, она так и не решила, как ей сегодня поступить. Было ясно, что он готов продолжить их знакомство в более непринужденной обстановке и только ждет, не подаст ли она знак, что тоже хочет этого. И хотя значительная ее часть явно склонялась в эту сторону, но была еще и вторая часть, которая призывала к здравому смыслу, благоразумию и верности.

Конечно, она не предаст другого мужчину, если сейчас уступит Маркусу, но она предаст себя. Делла была не из тех, кто верит в сказки и подчиняется своим прихотям. В противном случае она никогда бы не выбралась из трущоб своего детства и не оказалась бы в одной из самых влиятельных компаний Уолл-стрит. Ей удалось это, потому что она собранная, прагматичная и трудолюбивая.

С другой стороны, именно из-за этих своих качеств ей и пришлось оставить ту жизнь, которая далась ей с таким трудом. Ну вот опять... Опять она думает о том, о чем запретила себе думать сегодня вечером. Сегодня ее день рождения. Тот единственный день в году, когда можно позволить себе каприз, прихоть.

Она еще раз посмотрела на Маркуса. Так как ей поступить? Делла поднялась со стула и направилась к стеклянным дверям, чтобы посмотреть на снег.

Двери вели на небольшую террасу. В темноте можно было разглядеть очертания столов и стульев, укрытых на зиму, и несколько кадок с растениями. И везде лежал снег. По-видимому, снегопад начался довольно давно. Они просто не заметили. Впрочем, когда ты рядом с таким мужчиной, как Маркус, трудно заметить что-то еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.